
18+
Элена Фон Раше
18+
Путь домой

Вот это попадание

Элена фон Раше

Вот это попадание. Путь домой

«Автор»
2026

фон Раше Э.

Вот это попадание. Путь домой / Э. фон Раше — «Автор», 2026 — (Вот это попадание)

София Вальдекар исчезла, оставив за собой больше вопросов, чем ответов. Где она? Жива ли? И можно ли вообще вернуть ту, кого словно вырвали из самой ткани реальности?Пока Арон, Кристоф и их друзья пытаются найти способ вернуть её, старые тайны начинают всплывать на поверхность. Тайны, которые связывают Софию с двумя мирами, древним пророчеством и существами, способными уничтожить всё, что им противостоит.Вальдекары — не просто магический род. И если легенды не лгут, то сила, способная остановить врага, может оказаться куда опаснее, чем сам враг.София ещё не знает, что её исчезновение стало началом новой игры. И в этой игре ставки выше, чем жизнь, любовь или свобода.На кону — два мира.

© фон Раше Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. До рождения Софии. 5
Глава 2 13

Элена фон Раше
Вот это попадание. Путь домой

Глава 1. До рождения Софии.

— Нора, дорогая, пожалуйста, доверься мне. Я уже бывал на Земле. Просто дай мне руку.

Элеонора с сомнением посмотрела на своего мужа. Ромейн Вальдекар выглядел совершенно невозмутимым, словно собирался не переносить её в другой мир, а провести на прогулку по знакомому саду, пожалуй, это раздражало сильнее всего.

Разумеется, рассказы о странствиях между мирами звучали увлекательно. Древние легенды, необычные земли, путешествия за пределы привычного, возможность увидеть то, о чём большинство людей даже не подозревало, — всё это казалось невероятно романтичным, пока речь не заходила о том, чтобы самому шагнуть за границу собственного мира. А теперь Ромейн предлагал ей сделать именно это, причём с такой лёгкостью, будто они собирались наведаться к соседям на чашку чая.

Она понятия не имела, чего ожидать, и никакие заверения мужа не могли избавить её от тревоги.

Однако, после короткого колебания, Элеонора всё-таки вложила ладонь в его руку. Ромейн улыбнулся, притянул её к себе и обнял, давая возможность устроиться удобнее, прежде чем начал произносить заклинание.

Его пальцы складывались в непривычные знаки, движения рук становились всё сложнее, а тихие слова на древнем языке постепенно наполняли пространство вокруг них. Сначала Элеонора едва различала отдельные звуки, но вскоре голос мужа изменился. Низкий, глубокий, он словно обрёл собственный ритм, превращаясь в завораживающую мелодию, от которой невозможно было отвлечься. Она прижалась к Ромейну, крепче сжала его в объятиях и закрыла глаза.

Мир исчез не сразу.

Сначала ей показалось, что пространство вокруг слегка дрогнуло, затем привычные ощущения начали распадаться, уступая место чему-то совершенно чужому. Уши заложило, во рту пересохло, а желудок болезненно сжался, заставив её мысленно проклясть собственную предусмотрительность, благодаря которой утром она не отказала себе в плотном завтраке.

Время перестало подчиняться привычному ощущению длительности. Элеоноре казалось, что перенос начался всего несколько мгновений назад, и одновременно она была уверена, что они уже целую вечность находятся в этом странном промежуточном пространстве. Открыть глаза она не решалась, но даже сквозь закрытые веки ощущала, как меняется окружающее. Темнота переплеталась с цветными всполохами, которые расплывались, сталкивались и исчезали, словно невидимый художник небрежно наносил масляные мазки на чёрный холст, не заботясь ни о форме, ни о композиции.

Она не знала, сколько ещё выдержит, когда всё наконец прекратилось.

Ромейн крепче прижал её к себе, что-то тихо произнося и поглаживая ладонью по спине, но Элеонора не сразу смогла разобрать его слова. Ей казалось, что ещё одно движение — и содержимое желудка непременно окажется на земле. Она с трудом приподняла веки, однако окружающий мир оказался настолько ярким, что пришлось снова зажмуриться. Постепенно зрение прояснялось, звуки возвращались, накладываясь друг на друга: шум ветра, чьи-то голоса, далёкий грохот.

Всё это было настолько непривычным, что на несколько секунд она просто застыла, пытаясь заставить собственное сознание принять происходящее.

А затем, резко отстранившись от мужа, бросилась к ближайшему мусорному баку.

Ромейн поспешил следом, уже доставая из кармана платок. Он предусмотрительно дождался, пока Элеонора закончит мучительную попытку привыкнуть к новому миру, и только после этого осторожно протянул ей ткань.

— Я не знал, что у тебя такой слабый желудок, — произнёс он с виноватой улыбкой.

Элеонора промокнула губы, выпрямилась и посмотрела на него поверх платка. Глаза слезились, её всё ещё слегка потряхивало, а в голове неприятно шумело, но сил на вежливость не осталось.

— Ты идиот, Вальдекар! — процедила она сквозь зубы, сунув испачканный платок ему в нагрудный карман рубашки. — Я совершенно не была готова к таким путешествиям!

Ромейн принял обвинение без малейшего сопротивления. Более того, судя по выражению его лица, он едва сдерживал смех. Ему всегда нравилось, когда Элеонора сердились на него: в её возмущении появлялась особая выразительность, глаза начинали сверкать, голос становился звонче, а в каждом жесте чувствовалась такая непосредственность, что удержаться от улыбки было невозможно. Впрочем, он предпочитал не озвучивать эту мысль, особенно сейчас, когда рисковал получить ещё одно вполне заслуженное оскорбление.

— Я знаю, как исправить своё положение, — предложил он, примирительно протягивая ей руку. — За углом есть прекрасная пекарня и там подают восхитительный кофе. Нора, ты обязана попробовать.

Элеонора подозрительно прищурилась.

— Я смотрю, это ты предусмотрел.

— Разумеется. Я же не собирался лишать тебя удовольствия от знакомства с Землёй.

Она попыталась сохранить серьёзное выражение лица, но уголки губ всё-таки дрогнули. Оглянувшись, Элеонора впервые по-настоящему посмотрела на место, куда они перенеслись.

Вокруг возвышались незнакомые здания, вдоль дороги двигались странные металлические конструкции, шум которых заставлял её всякий раз невольно оборачиваться. Люди проходили мимо, разговаривая, смеясь, торопясь по своим делам, и никто, кажется, не обращал внимания на двух незнакомцев, появившихся здесь самым невероятным образом.

Земля.

Она действительно была на Земле.

———

Перед Элеонорой поставили чашку ароматного кофе и большой, золотистый круассан. Они устроились за столиком у широкого окна, выходившего на центральную площадь. За стеклом кипела жизнь: люди куда-то спешили, разговаривали, смеялись, на перекрёстке сигналили машины, а чуть поодаль над крышами зданий возвышалась необычная металлическая башня, которую Элеонора заметила ещё по дороге сюда.

День был в самом разгаре. Помешивая сахар в кофе, она с нескрываемым любопытством рассматривала всё вокруг, совершенно не стесняясь того, что порой слишком откровенно задерживала взгляд на прохожих, витринах и незнакомых предметах. Ей хотелось запомнить каждую мелочь, и даже необходимость периодически возвращаться к чашке, чтобы сделать очередной глоток, казалась досадным отвлечением.

Ромейн, напротив, никуда не торопился. Он наблюдал за женой, улыбаясь про себя, и с удовольствием отмечал, как постепенно исчезает её недовольство путешествием. Кофе пришёлся ей по вкусу, круассан оказался ещё лучше, чем он обещал, и теперь Элеонора, кажется, была готова простить ему даже весьма сомнительный способ перемещения между мирами.

— Итак… — она наконец повернулась к нему, обхватив чашку обеими руками. — Почему именно сегодня ты привёл меня сюда? И куда это сюда?

Ромейн едва заметно усмехнулся. Он ждал, когда её любопытство окончательно возьмёт верх над раздражением, и, судя по всему, момент настал.

— Дорогая, мы в Париже. Городе любви, искусства, прекрасной архитектуры и, как выяснилось, весьма достойного кофе, — с важным видом объявил он, а затем указал на башню за окном. — А это Эйфелева башня. Одна из самых известных достопримечательностей Земли. Там, кстати, есть ресторан. Если тебе понравится город, можем сходить туда вечером.

Элеонора проследила за его жестом, вновь прильнув к стеклу. Металлическая конструкция выглядела совершенно необычно, и она некоторое время молча изучала её, прежде чем снова повернуться к мужу.

— Я бы с удовольствием. Но откуда ты знаешь язык? — спросила она, улыбаясь. — Они так странно воркуют, что я не могу разобрать ни слова.

Ромейн откинулся на спинку стула и с притворно непринуждённым видом поправил манжет рубашки.

— Это новая разработка Кристофа. Не спрашивай, как он её создал, я сам не до конца понимаю принцип работы. Но если он узнает, что я взял артефакт без разрешения…

Элеонора уставилась на него, а затем её плечи затряслись от смеха. Она прикрыла рот ладонью, пытаясь не привлекать внимания соседних столиков, но представив Кристофа, который обнаружит пропажу своего изобретения и будет разыскивать виновника, сдержаться оказалось невозможно.

— Ромейн! Ты украл его артефакт?!

— Временно позаимствовал.

— Без разрешения?!

— Нора, мы в другом мире. Считай, что я обеспечил его разработке полевые испытания.

Она снова рассмеялась, качая головой. Кристоф наверняка не ограничится несколькими язвительными замечаниями, когда выяснит, что его изобретение оказалось в чужом мире, да ещё и без предварительной проверки. Впрочем, если артефакт действительно работал, то, возможно, это путешествие окажется полезным и для самого изобретателя. Элеонора уже представляла, как Ромейн будет пытаться оправдаться, и эта картина доставляла ей совершенно неприличное удовольствие.

— И всё-таки, — произнесла она, когда смех немного утих, — откуда ты знал, что он здесь сработает?

Ромейн взлохматил волосы, и в его глазах вновь вспыхнули озорные искры.

— Я уже пробовал, — признался он, пожав плечами. — Этот вариант работает по лучше.

Элеонора покачала головой, но улыбка так и не исчезла с её лица. Она уже собиралась поддеть его очередной фразой, когда заметила, что муж смотрит на неё иначе. Веселье постепенно уступило место сосредоточенности, Ромейн подался вперёд и протянул руку через стол, переплетая пальцы с её пальцами.

— Когда ты собиралась мне сказать, Нора?

Улыбка медленно сошла с её лица.

— О чём речь, Ромейн?

Она не сразу поняла, что изменилось, но внезапная серьёзность мужа заставила её насторожиться. Ещё минуту назад они дурачились, обсуждали чужое изобретение и собирались вечером подняться к знаменитой башне, а теперь Ромейн смотрел на неё так, будто давно хотел задать этот вопрос и лишь ждал подходящего момента.

Его серые глаза, обычно казавшиеся холодными тем, кто не знал его близко, для Элеоноры всегда были источником необъяснимого тепла. Она любила этот взгляд, любила то, как он смотрел на неё, когда не пытался скрыть своих чувств, и сейчас, несмотря на тревогу, невольно почувствовала, как учащается сердцебиение.

— Нора, милая, я ведь не слепой, — мягко произнёс он. — Тебя тошнит каждое утро. Последние недели ты едва можешь позавтракать, а сегодня, кажется, впервые за долгое время

съела всё, что тебе предложили, и даже не пожаловалась. Я не хочу делать поспешных выводов, но…

Элеонора ахнула и прикрыла рот рукой.

— Ромейн…

Она растерянно посмотрела на него, словно надеясь, что муж сейчас рассмеётся и признается, что просто решил её поддразнить. Но он не улыбался. В его взгляде было столько нежности и осторожной надежды, что она почувствовала, как к горлу подступает комок.

— Я думала, что подхватила какой-то грипп, — тихо призналась она. — Или что-то другое. Не знаю. Это ведь ещё рано, Ромейн. Слишком рано судить…

— Поэтому я и не хочу судить, — ответил он, чуть сильнее сжав её ладонь. — Я хочу знать.

Элеонора смотрела на него, всё ещё не в силах осмыслить услышанное. Мысль, которая до этого мелькала где-то на краю сознания, теперь становилась пугающе реальной. Она не позволяла себе надеяться, не хотела торопиться с выводами, но вдруг вспомнила все последние недели: утреннюю слабость, странную чувствительность к запахам, непривычную усталость и то, как порой ей приходилось заставлять себя есть.

— Ты… — она запнулась, пытаясь подобрать слова. — Ты уже всё организовал?

Ромейн улыбнулся, и в этой улыбке было столько облегчения, словно он боялся, что она рассердится на него за то, что он вообще предположил подобное.

— Если ты доела, пойдём. Нас ждут в больнице. Я договорился о приёме.

Элеонора несколько секунд молчала, а затем посмотрела на остатки круассана, на чашку кофе, на улицу за окном и снова на мужа.

— Ты привёз меня в другой мир, украл артефакт Кристофа, привёл в пекарню, а теперь собираешься отвезти в больницу?

— Если перечислять всё по порядку, звучит не так уж плохо, — рассудительно заметил Ромейн.

— Ты совершенно невозможен.

— Но ты меня любишь.

Она не ответила, лишь крепче сжала его руку, и Ромейн, не дожидаясь новых возражений, поднялся, помог ей встать и накинул ей на плечи пальто. Пока они направлялись к выходу, Элеонора всё ещё пыталась привыкнуть к мысли, что, возможно, их жизнь вскоре изменится самым неожиданным образом.

А Ромейн, кажется, уже не мог скрывать своего волнения.

———

Частная клиника оказалась значительно меньше, чем Элеонора ожидала. Она располагалась в неприметном здании, отделённом от шумной улицы небольшим внутренним двориком, и, если бы Ромейн не знал, куда идти, вряд ли она обратила бы на него внимание. За стеклянными дверями их встретил светлый холл с мягкими креслами, стойкой регистрации и несколькими цветочными композициями, расставленными так, чтобы пространство выглядело уютным, а не стерильно холодным. Пахло чистотой, чем-то цитрусовым и едва уловимым ароматом кофе, который, судя по небольшой кофемашине в углу, был доступен посетителям.

Ромейн переговорил с женщиной за стойкой, предъявил какие-то документы, а затем, после короткого обмена фразами, достал из кошелька деньги. Элеонора не могла не заметить, с каким выражением он пересчитывал купюры, прежде чем передать их сотруднице, и, когда они отошли к креслам, тихо спросила:

— Мне даже не хочется знать, сколько ты заплатил.

— Достаточно, чтобы не пришлось объяснять, кто мы такие, — ответил Ромейн, устраиваясь рядом. — Но, думаю, это разумная трата.

Она посмотрела на него с лёгким укором, но спорить не стала. В последнее время Ромейн всё чаще принимал решения, смысл которых открывался ей не сразу. Поначалу они казались необъяснимыми, пока спустя время она не обнаруживала, что даже в самых неожиданных поступках мужа была своя логика и предусмотрительность. И сейчас, несмотря на то что они находились в совершенно незнакомом мире, Ромейн держался так уверенно, словно заранее позаботился обо всём, что только могло им понадобиться.

Элеонора старалась не глазеть, но это оказалось сложнее, чем она предполагала. В клинике всё было устроено непривычно, однако не настолько, чтобы вызывать страх. Люди разговаривали негромко, сотрудники перемещались по коридорам с планшетами и бумагами, а на стенах висели изображения человеческого тела, внутренних органов и какие-то схемы, смысл которых ей пока оставался непонятным. Она ловила себя на том, что рассматривает оборудование, пытается прочитать надписи и прислушивается к разговору соседей, хотя понимала, что вряд ли сможет разобрать хоть что-то без помощи артефакта.

Сначала у Элеоноры взяли кровь. Процедура оказалась неожиданно быстрой, хотя вид тонкой иглы заставил её напрячься. Она предпочла отвернуться, пока медсестра занималась необходимыми манипуляциями, и лишь когда та закончила, позволила себе выдохнуть.

Медсестра что-то спросила, доброжелательно улыбнувшись, но Элеонора лишь растерянно посмотрела на неё, а затем перевела непонимающий взгляд на Ромейна.

— Она спрашивает, боишься ли ты крови, — тихо пояснил он, чуть наклонившись к жене.

Элеонора моргнула, словно вопрос застал её врасплох, после чего с улыбкой кивнула медсестре. Та, судя по выражению лица, поняла ответ, что-то ещё произнесла и продолжила заниматься своими делами.

Ромейн, сидевший рядом, едва заметно улыбнулся, но, встретившись с её взглядом, благоразумно промолчал.

После обследования их провели в другой кабинет, где стояла странная установка с большим экраном, кушеткой и небольшим прибором, соединённым с аппаратом тонким проводом. Элеонора с любопытством изучила его, пока врач объясняла, что именно собирается делать. Ромейн, судя по всему, уже знал, поскольку задавал вопросы, которые звучали вполне разумно и не вызывали у специалиста никаких подозрений.

Когда Элеонора устроилась на кушетке, ей предложили немного приподнять одежду. На кожу живота нанесли прохладный гель, от неожиданности она вздрогнула, а затем врач приложила к нему небольшой датчик и начала медленно перемещать по поверхности.

Элеонора смотрела на экран, не понимая, что именно там должно появиться.

Сначала изображение казалось ей набором серых пятен, теней и линий. Врач что-то объясняла, меняла положение датчика, делала несколько измерений, а затем остановилась, внимательно посмотрела на экран и улыбнулась.

Ромейн внимательно выслушал врача, уточнил несколько деталей, а затем повернулся к Элеоноре, всё ещё державшей его за руку.

— Беременность подтверждается, — произнёс он, и в его голосе прозвучало что-то непривычное, почти робкое. — Примерно две-три недели. Пока всё выглядит хорошо. Врач говорит, что развитие соответствует сроку, анализы тоже неплохие. Есть кое-что, за чем нужно будет следить, но ничего тревожного она сейчас не видит.

Элеонора медленно перевела взгляд с мужа на монитор, словно пыталась отыскать там подтверждение услышанному. Ромейн продолжал пересказывать рекомендации врача: витамины, питание, осторожность с физическими нагрузками, регулярные обследования. Она кивала, хотя едва ли запомнила хоть что-то из перечисленного, потому что всё её внимание было приковано к экрану.

Среди серых оттенков, теней и едва различимых очертаний находилась крошечная точка. Их ребёнок. Пока ещё такой маленький, почти неразличимый, но уже существующий, уже связанный с ней невидимыми нитями, которые невозможно было ни увидеть, ни объяснить.

Элеонора не могла отвести глаз. Ей казалось невероятным, что внутри неё уже зарождается новая жизнь, что совсем недавно она даже не подозревала о её существовании, а теперь сидит в незнакомом мире перед непонятным устройством и смотрит на своего будущего ребёнка.

Ромейн стоял рядом, не отпуская её руки. Она почувствовала, как его пальцы сжались крепче, и, повернувшись, встретила его взгляд. Он всё ещё пытался сохранить привычную выдержку, слушал врача, задавал вопросы, запоминал рекомендации, но в его глазах уже не осталось места для невозмутимости. Там смешались удивление, счастье и такое искреннее, почти ошеломлённое неверие, что Элеонора почувствовала, как к горлу подступает ком, а глаза наполняются слезами.

Они совсем недавно поженились. Всего несколько месяцев назад, и хотя оба были счастливы, до разговоров о детях дело доходило скорее в мечтах, чем в конкретных планах. На Тиере это никогда не было вопросом, который решался одним лишь желанием пары. Рождаемость оставалась низкой, беременность могла наступить после многих лет ожидания, а даже если это случалось, далеко не каждая женщина могла благополучно выносить ребёнка. Семьи обращались к лекарям, магам и целителям, прибегали к различным способам, но никто не мог гарантировать результат. Именно поэтому многие пары предпочитали не торопиться с надеждами, опасаясь, что радость ожидания обернётся слишком болезненным разочарованием.

Элеонора знала, что Ромейн разделял эти опасения. Они не избегали разговоров о будущем и не отказывались от желания стать родителями, но не хотели превращать мечту в ожидание, от которого зависело всё их счастье. И всё же сейчас, в совершенно чужом мире, где магия уступила место непонятным устройствам, где незнакомые люди могли исследовать её тело и наблюдать за тем, что происходит внутри, они получили новость, о которой оба мечтали, но не позволяли себе слишком уверенно говорить.

У них будет ребёнок.

Эта мысль всё ещё казалась почти невероятной. Элеонора, покидая кабинет, словно боялась потерять её, если отвлечётся хоть на мгновение. Ромейн помог ей подняться, придерживая за локоть, и видимо поблагодарил врача, прежде чем они вышли в коридор. Там Элеонора остановилась, повернулась к нему и, не произнеся ни слова, обняла.

Он сразу понял и прижал её к себе. Она уткнулась лицом в его грудь, крепко сжимая ткань рубашки, и некоторое время они просто стояли, не обращая внимания на людей, проходивших мимо. Ромейн гладил её по спине, целовал волосы, а она пыталась справиться с эмоциями, которые неожиданно оказались сильнее, чем могла предположить.

— Ромейн… — прошептала она.

— Я здесь, Нора.

— Мы действительно станем родителями?

Он поцеловал её в волосы.

— Кажется, да.

Элеонора тихо засмеялась сквозь слёзы, и Ромейн тоже не смог удержать улыбку. Ему хотелось сказать что-то ещё, но слова казались слишком маленькими для того, что он чувствовал. Он столько раз представлял себе их будущее, но никогда не позволял этим мыслям становиться слишком настойчивыми, слишком требовательными. Сейчас же ему хотелось одновременно рассмеяться, задать ещё десяток вопросов врачу и каким-то невозможным образом защитить то крошечное существо, о существовании которого они узнали всего несколько минут назад.

Она отстранилась, вытерла влажные щёки и посмотрела на мужа, всё ещё не выпуская его из объятий.

— Ромейн, ты ведь знаешь, как всё устроено на Тиере. Мы сами видели, сколько женщин годами ждут беременности, сколько обращаются к целителям, надеются, пробуют снова, а потом всё равно теряют детей. Мы до сих пор не знаем, почему это происходит и можно ли что-то изменить. А здесь… — Она невольно обернулась в сторону кабинета, из которого они только что вышли. — Здесь врач смогла увидеть нашего ребёнка. Она взяла у меня кровь, провела обследование, объяснила, что происходит, и сказала, что пока всё хорошо. Я не знаю, насколько их медицина развита, не понимаю даже половины того, что они делают, но они смогли убедиться, что ребёнок развивается. Без магии, без ритуалов, без попыток воздействовать на меня. Просто с помощью каких-то устройств.

Он внимательно слушал, не перебивая, и Элеонора, почувствовав, что муж не отмахивается от её слов, продолжила уже увереннее:

— Я не хочу подвергать его риску, если мы можем этого избежать. Возможно, здесь у нас больше шансов. Возможно, на Земле я смогу спокойно выносить ребёнка, а мы будем знать, что происходит с ним и со мной. Я понимаю, что это совершенно незнакомый мир, что мы не знаем, как долго можем здесь оставаться и что нас ждёт впереди, но… — Она сжала его руки. — Я хочу попробовать. Давай останемся хотя бы до рождения ребёнка. Я не хочу рисковать тем, что у нас есть, только потому, что мы привыкли жить на Тиере.

Ромейн долго смотрел на неё, не торопясь с ответом. Он привык тщательно обдумывать решения, просчитывать последствия и искать возможности там, где другие видели лишь препятствия, но сейчас всё было иначе. Перед ним стояла женщина, которую он любил, и в её глазах не было ни желания бежать от Тиеры, ни попытки отказаться от прежней жизни. Она просто хотела дать их ребёнку шанс.

— Ты предлагаешь остаться здесь до рождения ребёнка? — спросил он, хотя, кажется, уже знал ответ.

— Да. Если всё будет хорошо. Если нам удастся устроиться. Я не хочу загадывать слишком далеко, но сейчас мне кажется, что это правильное решение.

Ромейн опустил взгляд, задумчиво провёл большим пальцем по её ладони, а затем вновь посмотрел ей в глаза.

— Тогда останемся.

Она чуть растерянно моргнула, словно ожидала, что он начнёт перечислять сложности, которые им предстоит преодолеть, или напомнит о причинах, по которым они вообще отправились на Землю.

— Правда?

— Нора, я только что узнал, что у нас будет ребёнок. — Его улыбка стала шире, и в ней наконец проявилось то мальчишеское счастье, которое он тщетно пытался скрывать. — Если ты считаешь, что Земля — лучшее место для него, я не стану спорить. Но нам придётся многое организовать, и, подозреваю, это будет куда сложнее, чем украсть артефакт Кристофа.

Элеонора рассмеялась, покачав головой.

— Ты всё-таки украл его.

— Позаимствовал. Временно.

— Ромейн Вальдекар, ты неисправим.

— Зато теперь у нас есть повод не возвращать его владельцу слишком скоро.

Она обняла его, на этот раз уже без прежней осторожности, и Ромейн прижал её к себе, уткнувшись губами в висок. Они стояли посреди незнакомого коридора, вдали от дома, от привычной магии, от всего, что прежде казалось незыблемым, и всё же в этот момент будущее перестало выглядеть пугающим. Оно обрело форму, пусть пока совсем крошечную и едва раз-

личимую на экране медицинского устройства, но уже достаточно реальную, чтобы ради неё захотелось рискнуть.

Глава 2

Глава 2. Элларис.

Рассказ Кристофа оказался весьма долгим, красочным и информативным. Он не упустил ни одной детали, стараясь объяснить ребятам не только то, что знал сам, но и причины, по которым пришёл к столь тревожным выводам. В какой-то момент Райс перестал задавать вопросы, Милли, обычно не склонная к долгим размышлениям вслух, откинулась на спинку кресла и замолчала, а Мириам, до этого активно перебивавшая Кристофа уточнениями, просто уставилась на него, забыв даже о привычной потребности что-нибудь сказать.

К моменту, когда мужчина закончил, у ребят буквально отвисли челюсти, а в комнате повисла гнетущая тишина, нарушаемая лишь тихим потрескиванием камина. Слишком многое из услышанного не укладывалось в привычную картину мира, и, пожалуй, самым неприятным было осознание того, что они даже не подозревали о существовании столь серьёзной проблемы. Если Кристоф прав, то происходящее касалось не отдельных семей, не каких-то редких случаев и даже не одного королевства. Это было нечто гораздо масштабнее, а они до сих пор жили так, словно всё вокруг оставалось неизменным.

Первым поднялся Арон.

— Итак, что нужно для проведения ритуала? Давайте просто вернём её.

Он говорил так, будто остальные подробности не имели значения, будто стоило лишь найти нужные ингредиенты, произнести правильные слова и всё снова встанет на свои места. В его голосе не было ни сомнения, ни желания обсуждать возможные последствия, только решимость, которая, впрочем, больше походила на отчаянную попытку ухватиться за хоть что-то.

— Ты не иначе как ополоумел, — тут же вклинилась Милли.

Она даже не стала подбирать выражения, прекрасно понимая, что сейчас Арон едва ли будет воспринимать мягкие формулировки.

— Ты сам сказал, что она будто… умерла, — Милли запнулась на этом слове, словно даже произносить его было неприятно. — Сам посуди, даже если она жива, наверняка может находиться в плохом состоянии. Ведь это был первый ваш контакт после её переноса, когда вы смогли поговорить. Ты не можешь просто так притащить её сюда! Тем более София хотела вернуться на Землю. У неё есть дети, Арон. Не будь идиотом.

— А что ты предлагаешь делать, кроме как умничать? — сквозь зубы прошипел он.

Милли нахмурилась, собираясь ответить, но Кристоф поднялся с кресла и направился к столику с напитками. Он плеснул себе в стакан немного янтарной жидкости, задержал взгляд на её поверхности, а затем сделал неторопливый глоток. Внешне мужчина оставался спокойным, однако за последние минуты его спокойствие стало скорее привычкой, чем действительным состоянием. Слишком много тревожных обстоятельств складывалось в одну цепочку, и даже сейчас, когда он поделился с ребятами частью того, что знал, ощущение надвигающейся беды не отпускало.

— Арон, ты должен успокоиться. Милли права.

Глаза Арона полыхнули огнём.

Он резко повернулся к Кристофу, словно именно от него меньше всего ожидал услышать подобное. Контроль, который он ещё пытался удерживать, трещал по швам, и Райс с Вейлом, переглянувшись, мягко поднялись из кресел. Они знали Арона достаточно хорошо, чтобы не воспринимать его раздражение как нечто необычное, но сейчас в его взгляде было слишком много боли, а та, как правило, делала его гораздо менее предсказуемым.

Райс осторожно дотронулся до плеча друга, но тот резко сбросил его руку.

— Вы все не понимаете, да?! — выкрикнул Арон, хватаясь за спинку стула. — Я видел, как она умерла!

Последние слова сорвались с него почти болезненно. Он не собирался кричать, не хотел устраивать сцену, но стоило вновь вспомнить тот миг, когда София исчезла у него на руках, как всё остальное перестало иметь значение. Он до сих пор не мог избавиться от ощущения, что должен был что-то сделать, что мог удержать её, если бы оказался быстрее, сильнее или просто знал, что происходит. И теперь, когда ему предлагали ждать, рассуждать и не торопиться, он не понимал, как вообще можно оставаться спокойным.

Стул с грохотом полетел в сторону, ударившись о стену.

Мириам вздрогнула и вскрикнула, невольно прижав ладонь к груди. Милли резко поднялась, но Райс уже попытался перехватить Арона, прежде чем тот успел сделать ещё что-нибудь. Однако друг резко развернулся и замахнулся кулаком. Райс успел уклониться, и удар прошёл мимо.

— Арон! — резко окликнул его Вейл.

Но тот уже не слышал.

Кулаки Арона вспыхнули пламенем, и на мгновение в комнате стало ощутимо жарче. Кристоф устало потёр переносицу, прикрыв глаза. Он прекрасно понимал, что именно толкнуло Арона на подобное, но понимание не делало ситуацию менее опасной. Если сейчас они не остановят его, разговор закончится гораздо хуже, чем разбитым стулом.

Вейл среагировал быстро. Поток воды окатил Арона с головы до ног, погасив огонь на его руках и заодно превратив дорогой ковёр в подобие небольшого озера.

Арон, кажется, даже не попытался возразить.

Он замер на секунду, словно холодная вода наконец пробилась сквозь глухую стену ярости, за которой тот прятался, а затем медленно осел на пол. Тяжело дыша, опустил голову и упёрся ладонями в мокрый ковёр. В комнате стало тихо, и теперь, когда никто не кричал, можно было услышать, как потрескивают поленья в камине.

Кристоф поставил пустой бокал на столик.

— Арон, соберись. Ты должен быть сильным. Мы все должны. София была другом каждому из присутствующих здесь.

Он произнёс это без лишнего пафоса, но слова прозвучали весомо. Кристоф не собирался делать вид, что случившееся с Софией не касается его самого. Он давно привык не демонстрировать эмоции, особенно когда от него требовалось принимать решения, однако мысль о том, что девушка, которую он обещал защищать, может быть потеряна, не давала ему покоя. И всё же сейчас он не мог позволить себе поддаться этому страху. Не перед ребятами. Не тогда, когда они только начали понимать, насколько опасной может оказаться ситуация.

Вейл неловко переминался с ноги на ногу, глядя на мокрый ковёр.

— Прости, Кристоф. Я не хотел…

— Хорошо сработал, здоровяк, — устало улыбнулся тот. — Возвращайтесь в академию. Не предпринимайте ничего и не отсвечивайте. Надеюсь, мне не придётся брать с каждого из вас клятву на крови за то, что я рассказал и посвятил вас в свою деятельность?

Он обвёл всех тяжёлым взглядом, и ребята дружно покачали головами.

Мириам, со всей своей невозмутимостью и решительностью, встрепенулась, подбежала к Кристофу и схватила его за руку.

— Ты можешь на нас рассчитывать! А как вступить в твой клуб? Я тоже хочу татуировку!

Кристоф посмотрел на неё, и уголок его губ дрогнул. Кажется, только Мириам могла умудриться превратить столь серьёзный разговор в нечто подобное. Впрочем, её энтузиазм был вполне искренним, и мужчина не сомневался, что девушка, если уж решила помогать, действительно попытается сделать всё возможное. Вопрос лишь в том, сколько неприятностей успеет натворить по пути.

Милли закатила глаза, подхватила сестру под руку и потащила к двери.

— Что ты несёшь, это не кружок по вышиванию, — пробурчала она, уводя Мириам в коридор.

— А я ничего такого не сказала! — возмутилась та, пытаясь обернуться. — Просто спросила!

— И именно поэтому тебя сейчас уводят, — тихо заметил Райс.

Милли проигнорировала его, а Мириам, судя по всему, ещё собиралась продолжить спор, но дверь уже закрылась за ними.

Райс подошёл к Арону. Тот всё ещё сидел на полу, мокрый с головы до ног, облокотившись на руки и не проявляя ни малейшего желания двигаться. Он выглядел так, словно за последние несколько минут постарел на несколько лет. Райс не знал, что сказать. Всякий раз, когда он пытался представить, что чувствует Арон, перед глазами возникало собственное воспоминание о Софии, и это было слишком неприятно, чтобы продолжать рассуждать.

Кристоф махнул рукой, и вода исчезла с дорогого ковра, оставив его сухим и безупречным, словно ничего не произошло. Следом высохла одежда Арона.

Вейл и Райс протянули ему руки. Арон без возражений принял помощь и поднялся, чуть поморщившись, когда выпрямился. Он провёл ладонью по волосам, затем посмотрел на стену, возле которой валялся стул. Только теперь, когда гнев отступил, ему стало неловко за собственное поведение. Он не хотел срываться настолько, и уж точно не хотел, чтобы Кристофу пришлось заниматься последствиями его вспышки.

Уже у двери он остановился и обернулся.

— Прости, Кристоф. Я оплачу порчу стула.

Кристоф лишь покачал головой, протянул руку и похлопал его по плечу.

— Не делай глупостей, сынок. Ничего такого, о чём тебе пришлось бы пожалеть. Я серьёзно, — он чуть сильнее сжал плечо Арона. — София может сильно разозлиться, если ты навлечёшь на себя неприятности.

Арон невнятно пробормотал что-то в знак согласия, но слова Кристофа всё-таки заставили его чуть заметно улыбнуться. София действительно могла разозлиться. Причём настолько, что даже сейчас, когда её не было рядом, Арон вполне отчётливо представлял, каким взглядом она встретила бы рассказ о разбитом стуле, попытке ударить Райса и пожаре в чужой гостиной. Эта мысль неожиданно оказалась почти болезненно приятной, потому что в ней София была живой, стояла перед ним, возмущалась и совершенно не собиралась соглашаться с его оправданиями.

Райс, уже собираясь следовать за Вейлом, вдруг задержался и обернулся.

— Кристоф, только я не понимаю, зачем родители Софии ушли на Землю. Здесь у них было положение, деньги, имя… А там они были никем.

Кристоф на мгновение задумался, прежде чем ответить. Вопрос был вполне закономерным, и, пожалуй, именно он лучше всего показывал, насколько ребята пока не понимали всей глубины происходящего.

— На Земле у них была надежда родить здорового и живого ребёнка.

Райс нахмурился, но не стал задавать дополнительных вопросов. Он лишь кивнул, словно пытаясь принять ответ, который пока не давал ему полного понимания, и вышел вслед за друзьями.

———

— Как тебе Арон, то, что в наше сознание влезла Элеонора и «немного»… На этом слове Райс поднял руки вверх и пальцами показал кавычки. — …сменила ракурс. Возможно, без её вмешательства мы бы даже не заметили Софию.

— Ты не можешь так говорить, — резко отозвался Арон.

Он остановился, и Райс, сделав ещё пару шагов, тоже замер. Даже когда Вейл окатил Арона холодной водой, тот не испытывал подобного ступора. Сейчас же слова друга словно ударили его, заставив на мгновение потерять способность мыслить.

Арон смотрел на Райса в упор и в его взгляде не было прежнего гнева, но появилась холодная жёсткость, от которой Райсу стало неуютно. Он не хотел обидеть друга, однако и сам не мог избавиться от сомнений, возникших после рассказа Кристофа. Всё, что они узнали, было слишком необычным, чтобы просто принять и забыть. И если Элеонора действительно вмешалась в их сознание, то теперь неизбежно возникал вопрос, насколько далеко заходило это вмешательство.

Они направлялись от Кристофа к «Лисьей норе», договорившись присоединиться к остальным членам Сферы. Впереди была игра, и Арон не собирался подводить команду из-за собственных проблем. Он слишком хорошо понимал, что в последнее время отдалился от ребят, а капитан не имел права позволять личным переживаниям мешать остальным.

Но слова Райса задели его гораздо сильнее, чем он хотел показать.

— Ты хочешь сказать, что мои чувства к Софии — это уловка её матери? — Арон медленно приблизился к Райсу. — Кристоф не говорил, что она внушила нам любовь. Он сказал, что она вложила в нас потребность защищать Софию, что, скорее, привело бы к дружбе…

— Я не знаю, что и думать, Арон, но, конечно, у меня есть сомнения. Ведь она была словно наваждение. Ты не знаешь, как мне приходилось бороться с собой. Я забыл об Аэлите, в моих мыслях была только София.

Райс произнёс это с явным неудовольствием. Ему самому не нравилось вспоминать, каким образом София оказалась в центре его внимания, и ещё меньше нравилось то, что он до сих пор не мог объяснить собственную реакцию. Аэлита была частью его жизни задолго до появления Софии. Он любил её, и не собирался отказываться от того, что между ними было. Но в те дни всё словно сместилось, и Райс до сих пор испытывал неприятное чувство, когда вспоминал, насколько легко его мысли оказались заняты совершенно другим человеком.

Он не обвинял Софию. По крайней мере, не хотел. Девушка сама, вероятно, не подозревала о вмешательстве Элеоноры, и это было ещё одной причиной, по которой Райс не мог просто объявить её виновной. Но если их сознание действительно подверглось воздействию магии, то он хотел знать, что именно произошло.

— Вместо того чтобы признать свою слабость, ты перекладываешь её на Элеонору.

— Да я не…

— Хватит!

Вейл, до этого молча наблюдавший за перепалкой, наконец подошёл к друзьям и положил свои огромные руки на их плечи, расталкивая в разные стороны.

— Вам нужно остыть и уяснить, что вы не друг против друга, а заодно! Что вы в одной команде! Мы! — он выразительно встряхнул обоих, заставляя их взглянуть на себя. — И я говорю не только о Сфере, но и обо всей ситуации. Слишком много свалилось на нас за последнее время, и сейчас не стоит делать выводы сгоряча. Нужно подождать, пока информация уложится в голове, а потом уже задавать вопросы и искать на них ответы.

Райс и Арон уставились на друга, не веря, что их весельчак, обычно несерьёзный и не упускающий возможности отпустить очередную шутку, рассуждал сейчас разумнее их обоих.

Вейл, заметив их выражения, нахмурился.

— Что? Я иногда думаю. Просто не всегда вслух.

Райс фыркнул, и напряжение, которое ещё секунду назад казалось почти осязаемым, немного ослабло.

— Ладно, ты прав, — первым сдался Арон, стряхивая с плеч руку друга. Он провёл ладонями по лицу, словно пытался окончательно избавиться от остатков напряжения. — Нам надо отвлечься. Пойдёмте в бар.

— Кажется, впереди действительно что-то новое… — тихо пробормотал Райс, удивляясь, что Арон не бросился крушить всё вокруг, а вполне разумно принял предложение Вейла.

— Не начинай, — предупредил Арон, не оборачиваясь.

Райс усмехнулся.

Они продолжили путь, постепенно вливаясь в вечерний поток улиц Элларис. Солнце уже опустилось за крыши зданий, оставляя на горизонте бледную полоску света, а город погружался в прохладные сумерки. Ветер пробирался между каменными фасадами, заставляя прохожих плотнее запахивать плащи и ускорять шаг. На улицах зажигались фонари, их мягкое свечение отражалось в витринах лавок, а из открытых дверей небольших заведений доносились голоса, запахи горячей еды и приглушённая музыка.

Элларис словно жил сразу в нескольких ритмах. Где-то торговцы уже закрывали свои лавки, подводя итоги дня, а в других кварталах только начиналось вечернее оживление. Студенты, служащие, маги, возвращавшиеся после работы, и посетители многочисленных баров заполняли тротуары. По мостовой прокатывались магомобили, в окнах домов вспыхивали тёплые огни, а возле небольших лавок ещё задерживались покупатели, торопливо выбирая последние товары перед закрытием.

Город не знал об их проблемах, не чувствовал тревоги, которая поселилась в их компании, и не собирался менять привычный ритм. Возможно, именно это сейчас было необходимо троим друзьям. Среди знакомых улиц, привычного шума и обычной вечерней суеты происходящее на мгновение переставало казаться единственной реальностью.

Арон шёл между Райсом и Вейлом, засунув руки в карманы. Он не собирался обсуждать Софию в «Лисьей норе», не хотел возвращаться к рассказу Кристофа и уж точно не собирался позволять сомнениям разрушить то, в чём был уверен. Однако слова Райса всё-таки зацепили его. Не потому, что он верил в возможность чужого вмешательства, а потому, что теперь, после услышанного, невозможно было просто отмахнуться от вопросов.

И всё же он знал одно: то, что чувствовал к Софии, принадлежало ему. Даже если кто-то когда-то подтолкнул его к этой встрече, никто не мог заставить его любить. Это было его решение, его чувства и его боль. Он не нуждался в чужом подтверждении того, что происходило между ними, и не собирался позволять предположениям превратить всё в нечто чужое, лишённое смысла.

— Если ты собираешься весь вечер ходить с таким лицом, — нарушил молчание Вейл, — то я заранее предупреждаю: за твою выпивку платить не буду. Ты пугаешь барменов, а они потом включают это в счёт.

Арон фыркнул.

— Я ещё ни одного бармена не пугал.

— Ты просто смотришь на людей так, будто собираешься поджечь их родословную.

— Это называется выразительное лицо.

— Нет, капитан, это называется угроза пожарной безопасности.

Райс рассмеялся, и на этот раз Арон не стал его одёргивать. Впервые за последние часы напряжение немного отпустило, и они ускорили шаг, направляясь к знакомой вывеске, за которой их уже наверняка ждали остальные.

———

На следующий день после разговора с Кристофом Милли и Мириам всё ещё не могли перестать думать о том, что узнали. Вчерашние сведения оказались слишком масштабными, чтобы просто забыть о них после возвращения в академию, и теперь, когда сестры оказались среди привычных стен и знакомых лиц, они невольно начали замечать то, на что раньше не обращали внимания.

Особенно странным казалось то, что проблема с рождаемостью затрагивала не только Эйларис, но, судя по всему, и другие земли Тиеры, однако об этом никто не говорил открыто. По крайней мере, до вчерашнего вечера сестры даже не подозревали, насколько всё серьёзно.

— Знаешь, я теперь всех перебираю, — сообщила Мириам, шагая рядом с сестрой по коридору Академии. — Родственников, знакомых, преподавателей, даже тех, кого мы встречали всего пару раз. И ведь правда, у многих нет детей или один ребёнок.

Милли молчала. Она шла чуть медленнее обычного, задумчиво глядя куда-то перед собой, и, казалось, слова сестры лишь дополняли мысли, в которых та давно уже потерялась. Вчерашний разговор заставил её по-новому взглянуть на некоторые вещи, но пока она не знала, что именно можно считать доказательством, а что — простым совпадением. Слишком легко было начать искать закономерности там, где их могло не существовать, и слишком опасно — не замечать очевидного.

— А если вспомнить Райса, у них ведь большая семья, — продолжила Мириам, словно сама удивившись этому обстоятельству. — У них шестеро детей… Хотя, может, это просто исключение. Но тогда получается, что исключений становится всё меньше, а мы даже не знаем, когда всё началось. И почему никто не…

— Не обсуждай это здесь, — негромко произнесла Милли.

Она не остановилась, но взгляд её скользнул по проходившим мимо адептам. Коридор был оживлённым, несколько студентов спорили возле окна, кто-то торопился на занятие, а преподаватель, вышедший из соседней аудитории, направлялся в сторону лестницы. Милли не хотела, чтобы их разговор услышал кто-то ещё. Вчера Кристоф ясно дал понять, насколько серьёзно относится к тому, что рассказал, и она не собиралась превращать его доверие в повод для беспечности.

Мириам осеклась и повернула голову.

— Почему?

Сестра не успела ответить.

— Не о том думаете, адептка Тильо, — раздался за их спинами холодный, безупречно ровный голос. — Лучше бы вы повторяли формулы потоков и концентрации энергии, чем рассуждали о вещах, в которых пока совершенно не разбираетесь.

Профессор Вельт прошёл мимо так быстро, что девушки едва успели обернуться. Он даже не замедлил шаг, а его длинная фраза прозвучала словно замечание, брошенное между делом, не заслуживающее ни дальнейшего объяснения, ни ответа.

Мириам несколько секунд смотрела ему вслед, чувствуя, как неприятно сжимается желудок.

Она терпеть не могла, когда Вельт появлялся неожиданно. Не то чтобы профессор был откровенно жесток, но его способность находить ошибки там, где Мириам сама была уверена в правильности своих действий, казалась почти сверхъестественной. К тому же он обладал неприятной привычкой говорить так, словно каждый адепт, кроме него самого, был на грани катастрофического провала. И если уж профессор Вельт обращал на неё внимание, то обычно ничего хорошего это не предвещало.

Она медленно повернулась к сестре.

— Он… это сейчас нам?

Милли бросила короткий взгляд в сторону удаляющейся фигуры.

— Я же говорила, Мири! — шикнула та на сестру.

— Но мы же просто разговаривали!

— И именно поэтому я просила тебя не продолжать.

Однако Милли уже направилась в противоположную сторону, и Мириам удивлённо проследила за сестрой.

— Эй, ты куда?

— Увидимся за ужином! — бросила Милли, не оборачиваясь.

Мириам озадаченно пожала плечами. Ну, у Милли в последнее время вообще было много странностей, а если сестра решила заняться чем-то самостоятельно, то переубеждать её всё равно бесполезно. В конце концов, они не маленькие и вполне способны добраться до нужных аудиторий без сопровождения.

Она поправила сумку на плече и направилась в свой корпус, мысленно возвращаясь к замечанию профессора. Не о том думают. Вещи, в которых не разбираются. Вельт, конечно, всегда умел подобрать слова так, чтобы после них хотелось либо провалиться сквозь землю, либо доказать, что он совершенно неправ. И, учитывая предстоящую практику, Мириам предпочла бы первое.

———

Мириам с удовольствием прогуляла бы сегодняшнюю практику магических потоков и контроля энергии. Более того, мысль об этом возникала у неё всякий раз, когда в расписании появлялось имя профессора Вельта, однако девушка прекрасно понимала, что подобная вольность едва ли останется без последствий. А наказаний ей совершенно не хотелось, особенно учитывая, что семестр только начался и впереди ещё достаточно занятий, на которых можно успеть заработать неприятности без сознательного участия в этом процессе.

Она не питала иллюзий относительно того, что сегодняшняя практика окажется лёгкой. Вельт был из тех преподавателей, которые не позволяли адептам прятаться за чужими успехами, и, если уж он замечал ошибку, то обязательно возвращался к ней до тех пор, пока ученик не исправлял её. Иногда Мириам казалось, что профессор способен запомнить даже то, как она неправильно держала руки во время упражнения, и предъявить это в качестве доказательства её недостаточной подготовки спустя несколько недель.

Поэтому она явилась вовремя, заняла своё место и даже успела достать учебник до того, как профессор приступил к объяснениям.

Практика началась с того, что Вельт объявил о необходимости повторить основы, которые, по его мнению, большинство адептов благополучно забыли сразу после сдачи предыдущих экзаменов.

Мириам подозревала, что это заявление было адресовано лично ей.

Впрочем, подозрения укрепились, когда преподаватель задержался у её рабочего места, внимательно посмотрел на нестабильный поток, который она пыталась удержать в заданной концентрации, и сухо заметил, что если бы энергия обладала терпением, то давно бы покинула её руки исключительно из уважения к собственному достоинству.

Мириам едва не застонала.

Она старалась. Правда, старалась. Но чем больше пыталась удержать поток, тем сильнее он рассеивался, и всякий раз, когда ей казалось, что наконец получилось, профессор находил очередную ошибку. То она слишком резко направляла энергию, то пыталась компенсировать нестабильность дополнительным усилием, то нарушала заданную последовательность, хотя сама была уверена, что всё сделала правильно.

Вельт, в отличие от неё, оставался совершенно невозмутимым.

Он объяснял, показывал, заставлял повторять и, если Мириам ошибалась, возвращал её к началу. Ни раздражения, ни усталости, ни малейшего намёка на то, что ему хотелось бы поскорее закончить эту практику. В какой-то момент она даже подумала, что профессор получает особое удовольствие от того, как старательно она пытается не испортить очередное упражнение, однако, когда он в очередной раз объяснил принцип распределения энергии, Мириам наконец поняла, в чём заключалась её ошибка.

И это было особенно обидно.

Потому что объяснение оказалось простым.

Она мысленно прокляла учебник, собственную невнимательность и, на всякий случай, всю магическую систему, прежде чем повторить упражнение. На этот раз поток удержался. Не идеально, но достаточно устойчиво, чтобы Вельт не нашёл повода вернуть её к началу.

К концу занятия она, пусть и не без усилий, смогла удержать поток в нужной концентрации, а Вельт, проверив результат, лишь коротко кивнул и перешёл к следующему адепту.

Мириам почувствовала почти неприличное облегчение. Она не ожидала похвалы, да и от профессора Вельта её, вероятно, не дождалась бы даже в случае идеально выполненного задания, но короткий кивок означал, что по крайней мере сегодня она не провалилась окончательно. И этого было вполне достаточно, чтобы считать практику небольшим личным достижением.

Когда прозвучало разрешение покинуть аудиторию, Мириам едва не выронила учебные принадлежности, торопливо собирая их со стола. Она уже мысленно праздновала то, что сегодняшняя практика наконец закончилась, и собиралась исчезнуть прежде, чем профессор успеет найти очередную причину заставить её повторять упражнение, однако голос Вельта остановил её у самой двери.

— Адептка Тильо. Останьтесь.

Мириам замерла.

Нет.

Пожалуйста, нет.

Она медленно обернулась, надеясь, что профессор обращался к кому-то другому, но Вельт смотрел прямо на неё. Несколько человек, стоявших неподалёку, тоже обернулись, и Мириам поспешно изобразила на лице подобие спокойствия, хотя внутри уже начала мысленно перебирать все возможные причины, по которым её могли задержать.

Она вернулась к своему столу, стараясь не выглядеть так, словно собиралась сбежать при первой же возможности. Впрочем, спокойствие продержалось ровно до того момента, когда последний адепт покинул аудиторию, а дверь закрылась.

Вельт мазнул рукой, устанавливая полог тишины.

Мириам почувствовала, как напряглись плечи.

Ну вот. Всё. Сейчас будет разбор сегодняшнего провала. Или вчерашнего. Или он каким-то образом обнаружил, что она не сдала одну из промежуточных работ ещё в прошлом семестре. А может, профессор решил, что её успехи недостаточны, и теперь собирается предложить дополнительную практику, от которой невозможно отказаться.

Она сжала ремешок сумки, готовясь к худшему.

— У вас проблемы, адептка Тильо.

Мириам чуть не закрыла глаза.

Конечно. Разумеется. У неё проблемы. Когда у неё их не было?

— Если вы спрашиваете, профессор, то нет, спасибо за беспокойство, — выпалила она. — А если утверждаете, то я обещаю всё исправить. Семестр только начался, я подтяну необходимые темы, пересмотрю конспекты, могу дополнительно…

— Вы задаёте интересные вопросы, — перебил её Вельт, — но совершенно не беспокоитесь о том, кто может их услышать.

Мириам моргнула.

Она не сразу поняла, о чём он говорит, а когда поняла, то невольно выпрямилась, перестав теребить ремешок сумки.

— Что?

Профессор протянул ей папку.

— Изучите у себя в комнате. И советую не оставлять эти материалы там, где их могут обнаружить посторонние.

Мириам посмотрела на папку, затем на Вельта, а потом снова на папку.

Она совершенно не понимала, что происходит и в данный момент профессор Вельт не казался ей человеком, которого следовало бояться исключительно из-за предстоящей практики.